

* * *

Падает снег – от света...

В. Дронников

Порхает снег – и каменистый брод
Бурлит, свои слова перебирая:
Вдаль унеслась осенних уток стая –
И крыльев звуки вновь назад несёт.
Зигзаг реки, за ним – ещё один,
На склоне храм и пара колоколен,
А луч с небес над заводью утроен
Мерцаньем тихой поступи глубин.
Ледок крепчает робко – по краям,
Родник бросает солнечные блики.
Из-под снежка и крона облепихи,
И шапки мха сияют среди ям,
Глухих оврагов – ран моей земли.
Среди руин ремесленных кожевен
Лишь ивы свет ещё немного зелен.
Бросай, метель, свой первый снег, мети,
Вздымай огонь холодный над страной,
Над городком – пока всё это тщетно,
Ведь в небесах уже вполне заметно
Дыханье света движется стеной.

Течёт с ветвей – вода, вокруг вода,
И первый снег, и слякотные тропки,
И кот бездомный в прорези коробки
Под стылой елью. Снова золота
Речная гладь от ярких куполов, –
Как будто с вихрем сгнуло столетье,
Кровавым прахом, рваным лихолетьем
Пройдя среди деревьев и дворов,
Среди эпох – и в памяти людской,
Оставив боль и страх неизгладимо.
А над водой – лишь терпкий привкус дыма
Печной трубы, вздохнувшей за рекой.
И снег, и пепел, и лучистый свет –
Смешалось всё в полуденном пространстве
И, отзываясь в прошлом окаянстве,
Дало само собой простой ответ:
Мы – те, кому и многое дано,
И те, с кого спросил Господь сурово,
Но нам открыто праведное Слово
Своих небес! Так было суждено.

* * *

*Я вышел в ночь – узнать, понять,
Далёкий шорох, близкий ропот...*

А. Блок

Я, как и ты, свой крест несу...
Ночь пахнет скошенной крапивой,
Листвой – в темнеющем лесу,
Рекой и зябью сиротливой,
Древесной пылью городка –
С его обыденных окраин,
И тёплым хлебом уголка
Избы, которой благодарен:
Тобою был я обогрет,
Твоей печалью горьковатой.
А что я дам тебе в ответ?..
К тебе нельзя прийти с доплатой.
Я вновь стихи слагать берусь,
А ты мне даришь песни – свыше.
И только грусть, ночная грусть
Твоя становится чуть ближе...
Звезда рассветная легка,
Пора уже свернуть и к дому,
Остановиться, но пока
Судьбу не вижу по-иному:
Крапивы, хворост у реки,
С полей петляет отзвук лая,
Шаги близки и – далеки.
Иду, свой край благословляя,
Ведь я – твой сын, мой отчий дом,
Мой край сиреневый, холмистый.
Едины мы. А над холмом
Пылает свет – и путь пречистый!

* * *

И снова дождик – тихий, летний:
Слезой рождается слеза.
Над затихающей обедней
Из света – чьи-то голоса.

Дымок парит под куполами,
Воск застывает на полу.
Лучи, взлетевшие над нами,
Возносят Господу хвалу.

И яблоч дух – дыханье света,
И свет – повсюду, надо мной.
Уходит солнечное лето,
Пахнув осенней пеленой.

Порхают души, вьётся гомон
Небесных птах среди оград...
Мир этим мигом снова полон,
А я дождю и свету рад.

* * *

Люблю ноябрь, он дышит высоко,
освобождая мысли и виденья, –
влечёт, как свет, в огонь стихотворенья:
морозец бьёт в оконное стекло;
льдом затянул свои глубины пруд,
и берега, и кроны напружинив, –
и, словно кили, рощи к небу вздыбив,
с рассветом склоны по земле бегут:
мир перевёрнут в сотый раз вверх дном,
вперёд – к лицу, к искрящемуся небу, –
среди дворов огня живую скрепу
холодный полдень вносит в каждый дом;
осинник гол, туманы от земли
свой зыбкий парус вьют вполне крылато,
как будто волны встали в три наката,
а между тем хоть душу окрыли,
хоть целый свет – неотвратим закат,
приходит он по хрупкой жневке¹ скоро –
в поля течёт с сырого косогора
и шлёт лучи по окнам невпопад,

сбивая с толку, путая настрой:
писать ли, думать, строки подбирая,
иль, порубив валежник у сарая,
печь растопить шипящей берестой
и не спеша пить горьковатый чай,
хрустя ржаным сухариком, – обычно
всё то, что было летом непривычно;
душа, себя с тоской не разлучай!
Смотри в окно, как я сейчас смотрю!
Осенним светом залиты строенья,
а дальних звёзд, миров столпотворенья
вот-вот – и сменят топкую зарю:
закат красив – под небом осветлён,
а над землёй – пурпурно-фиолетов, –
как рыжий кот из миски, отобедав,
царапнул дверь, вскарабкался на клён –
и задремал... Миры, мои миры
в ноябрьский вечер глубоки – и яркие,
как будто снов хрустальные огарки,
как будто в свет летящие дворы!

¹ Жневка - остатки стеблей на скошенном злаковом поле (орловское), жниво или жнивье.

* * *

Луна в тумане – пять восьмых –
Бледна и по краям размыта,
Но, если честно, для пиита
Так много их, так много их –

И здешних лун, и дальних звёзд,
И неизведанных вселенных,
Миров чуть видимых – нетленных,
Бурлящих огненно внахлёт,

Где каждый был давным-давно –
Крупницей, бликом, электроном
Иль чьим-то нежным баритоном;
Не всё ль равно, не всё ль равно?..

...Мы возвратимся – наконец –
В огонь неведомый и спящий,
В покой и свет животворящий.
Прими, продли наш путь, Творец!

* * *

Прощальное тепло...

Г.А. Попов

...Раздождилось, осенняя мгла,
Налетев ни ко времени, рано,
Мир накрыла прохладой тумана.
О звезда, ты теперь не светла.
Я вчера за тобой наблюдал,
А теперь над тропинками луга
Чьи-то рамы вечерние глухо
Огласили небесный причал.
Первый лист прикоснулся к реке,
К каменистым хребтам мелководья,
И, ослабив тугие поводья,
Стылый август шагнул налегке.
Но я время такое ценю –
За грибной и осиновый запах:
Сосны носят в натруженных лапах
Исхудавшую в роще зарю,
Чуть проём в небесах – и лучи
Греют сонно озявшие руки.
О, как много раздумий и скуки –
С огоньком поминальной свечи.

Чернослива размякшая горсть,
Коркой хлеба накрытая стопка, –
Повторяются хрупко и робко
Дни, крутящие млечную ось.

Достучаться ль до звёзд?.. Тишина,
Крайне редки небесные вести,
Распознать их – хоть лопни иль тресни! –
Не даёт поступь тёмного дна.
Мы летим, всё куда-то летит,
Спотыкаясь по вечному кругу.
Лишь душе, её вещему духу
Открывается солнечный вид:
И колонны, и белые львы,
И дворцы, кипарисы-секвойи –
В тихом шорохе листьев и хвои
Это слышно... Услышите вы,
Как ночная вода глубока,
Несмотря на осеннюю стужу.
И распахнута светом наружу
Восходящая к небу река!

* * *

*Бывает час: над городом холмистым
Небесный свет слегка полуоткрыт...*

И. Семёнова

Зимний город, засыпанный снегом,
дышит небом, едва задремав
под сиренево-бронзовым берегом,
над верхушками сосен и трав,
чуть заметных в сугробе у склона,
у реки, возле хлипких мостков,
у бывшего речного затона:
ярко-розов, пурпурен, лилов,
повседневно, глубок, неподвижен
и по-зимнему радостно чист,
а на кронах заснеженных вишен
свет вечерний привычно лучист;
сходят тени, вращаются звуки:
хрустнет наст – и в тиши глубоко
бродит эхо, как после разлуки,
бродит эхо эпох, нелегко
отзываясь и в рамах, и в стёклах,
и в плотине, шумящей внахлёт;
на склонившихся к зареву вётрах
зажигаются капельки звёзд –

ярких звёзд, тех, что, выплавав, небо
дарит нам; о, небесный покой,
сокрушаться ли горько иль слепо –
созерцай, продолжаясь строкой,
наполняя, как лёгкие, душу
жгучим воздухом, светом, росой,

оставаясь в январскую стужу
на стекле, на листе бирюзой,
ведь за каждым насыщенным вздохом –
чей-то взгляд, чей-то стон или слух,
а в пространстве небес, в многооком,
луч заката неспешно потух.
Но не гаснут ни чувства, ни мысли –
о тебе, городок мой живой:
своих предков к блаженным причисли –
соглашусь полноправно с тобой
и пойду, может быть, словно инок,
словно воин, – в сиреневый свет,
продолжая небес поединок
за тебя – до скончания лет!

* * *

Земля моя, твой тонкий лист
Перед тобой всегда покорен –
В рассветной дымке колоколен
Иль в час, когда закат лучист

На куполах, на берегах,
На склонах, вздыбленных холмисто,
В полях, сияющих пречисто
И уносящих снежный прах.

О, пепел мой – мой вещей свет!
Его так много, он повсюду.
Сооружать ему запруду –
Напрасно петь второй куплет!

Но снова луч летит с небес,
Светил пронзая мириады,
А песни родины крылаты –
Для вас, холмы, мой дом, мой лес.

УТРО В НОЯБРЕ (осенняя элегия)

I.

Далёкий холодок...
Листва над перекрёстком
игрива и желта,
в искристом серебре.
И видится весь мир
неведомым наброском –
и в красках, и в штрихах –
в рассветном ноябре.

А школа на холме
уже в янтарном свете:
небесные лучи
с окраины плывут.
В смоле – кора сосны;
сплетая косы-плети,
качаясь, лозняки
глядят в стеклянный пруд,

где стынут облака,
покорно провожая
попутчиков своих,
спешащих по делам.
Замёрзший ворох груш –
остаток урожая –
лежит в моём саду...
Скользнув по куполам,

лучи уходят ввысь –
и остаётся что-то
в душе моей навек,
как в детстве и – сейчас:
живая тишина,
окрестная дремота.
А главное – всё то,
что дорого для глаз,

для сердца и строки...
Пылай, огонь осенний!
Сжигай мои следы,
как листья во дворе!
Останутся навек
для новых поколений
и тёплые слова,
и утро в ноябре.

II.

...Старинный светлый дом
стоит на косогоре,
привычно сизый дым
пуская в небеса.
Почти стемнело. Ночь
охватит склоны вскоре,
и всё начнётся вновь –
с искристого листа:
и восковая тишь,
и отдалённый топот,
и первые шаги,

и давняя любовь,
а небосвод высок –
и серебрист, и золот
над кронами лесов.
Ему не прекословь,
не спорь с ночным огнём,
в его круговороте –
и жёлтая листва,
и свет далёких звёзд:
обычно всё в быту,
всё истинно – в Природе.
Ведёт через себя
извечный стылый мост
миры, свои миры...
Я замираю, вскинув
свой взгляд на долгий путь –
и к дому на холме,
и к склонам в серебре,
ко рвам, смотрящим в тину
сверкающей реки,
давно знакомой мне:
всё догорит, как ночь,
и всё прибудет – в свете,
в чернильном ли огне,
в сиянии ночном –
мы за себя и мир,
как за дитя, в ответе,
пока охвачен он
забвением или сном.
Прозаик ли, поэт,
художник, светлый воин –
служители небес,
хранители Земли:
блажен тот, чьим трудом
рассветный луч удвоен,
блажен и тот, кого
скитальцем нарекли...
Всё движется, и мы
в глубинном млечном вздохе –
метущийся поток,
спешим к самим себе.
Земной поток летит
в небесные протоки.
Всё повторится, всё,
как утро в ноябре.

* * *
...Даль перевозданна, молода,
Легка, свободна и крылата:
Тугие волны в три наката
Вздымает тёмная вода –
И вечереет; и рассвет,
Взлетая, льёт лучи в ольшаник:
Усталый путник, вечный странник
В кайму небесную одет.
Над светом – свет, огонь, покой;
Чуть уловимое смятенье,
Бунтарство, горечь иль смиренность –
Всё меркнет в дымке полевой.
И вновь лучиста тишина
Внутри своих круговоротов,
Среди своих земных оплотов
Живыми звуками полна!

* * *
*Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.*

Ф. И. Тютчев

Мысль изречённая есть ложь?..
А что не ложь и что неправда?..
Мыслитель, бита ваша карта,
творца охватывает дрожь;

всё – немота, всё – слепота,
всё – лишь сплошные повторенья,
порой в строке стихотворенья
и рифма выскочит не та;

бессмертно лишь небытие,
бессмертны лишь Вселенной звуки;
но мы, сыны и даже внуки,
мечтаем вновь об острие

пера, энергии, луча,
зачатках иль остатках Слова;
всё сотни раз свершится снова:
душа, как солнце, горяча!